

Литературные Меридианы

Книга Г. Краснова «Пушкин. Болдинские страницы», выпущенная Волго-Вятским издательством (г. Горький), посвящена феноменальному литературному явлению — творчеству великого русского поэта болдинского периода. Художественные принципы, эстетическая новизна, творческие искания — этим объединяющим началам болдинских дней уделяет основное внимание автор книги, вышедшей к 150-летию последней (1834 года) болдинской осени А. С. Пушкина.

ми предстоящей женитьбы, неведением того, что происходит в мире. В письмах к Плетневу, Погодину конфликтная ситуация выражена в откровенной, «реалистической» манере.

ратурной газеты» («Все Оресты и Пилалы на одно лицо» — обыгрывал поэт греческий миф). «Как бы Каченовского взбесить?» — бросал вызов поэт своему литературному противнику,

О СВОЕЙ болдинской осени 1830 г., как известно, хорошо рассказал сам поэт. В письмах его откровения устойчивы и в то же время разные по тону. Письмо в Петербург П. А. Плетневу от 9 сентября 1830 г.:

«Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездить верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов».

Резкая смена настроения. Накануне поездки в Болдино Пушкин жаловался Плетневу: «Жизнь жениха тридцатилетнего, хуже 30-ти лет жизни игрока... Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень приятно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского».

В цитированном письме Плетневу (от 9 сентября 1830 г.) — своего рода завязка первой болдинской осени; со временем, как в любом сюжете, возникает и конфликтная ситуация, беспокорство, вызванное забота-

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

В письмах невесте — «романтическая» манера: «Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы: представьте себе, насыпи с обеих сторон, — ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью, — зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь прокляты час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим...»

Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка...»

Журнальные споры были его родной стихией. Более всего он терпеть не мог газетной скуки. Ему надоедало однообразие эстетических разборов П. Катенина; докучал ему и «правильный» Орест Сомов, помощник А. Дельвига по изданию «Лите-

профессору Московского университета, и тут же предлагал П. А. Вяземскому свой полемический ход: «сравним их с Полевым...» Неприятным для него литературным и политическим противником и в 1830 г. оставался тайный агент III Отделения Фаддей Булгарин, написавший немало ласканий на поэта. Пушкин не оставался в долгу; он его сравнивал в «Литературной газете» с Видоком, французским сыщиком, в прошлом — дезертиром и уголовным преступником. В Болдине была приготовлена эпиграмма:

Не то беда,
Авдей Флюгарин,
Что родом ты
не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете мы
Видок Финглярин:
Беда, что скучен
твой роман.

Помимо Булгарина, было немало действительно перво-степенного: ответы своим многочисленным оппонентам, необходимость бросить ретроспективный взгляд на свое творчество (шестнадцать лет «авторской жизни!»), оценить «состояние крити-

ки», новые литературные, исторические труды.

Многое было сделано. Рассказывая Дельвигу о своем «осеннем прилежании», поэт в первую очередь сообщает, что «написал пропасть полемических статей».

В круг Болдинских чтений вошли многие сравнительно малоизученные или спорные темы, касающиеся особенностей творческой биографии поэта, его литературных произведений в разных жанрах, их поэтики. В центре ряда Чтений оказывались крупные явления Болдинской осени 1830 г.: «Повести Белкина», «Евгений Онегин» с их традициями в русской литературе, «Маленькие трагедии». Не забыты были и про-

Ольге Калашниковой, «крепостной любви» поэта, о его современниках.

Феноменальность болдинско-пушкинского мира — в эстетическом единстве произведений, разных по жанрам, темам, по своей поэтической генетике. Эстетическое единство особенно проявляется в связующих мотивах. Пушкин стремился выразить что-то для него в данное время самое значительное. Таков, например, мотив «вдохновения» в лирике («Герой») и в то же время — в «Модерне и Сальери». — «Каменном госте»:

...Я вольно предавалась
вдохновенью,
Слова лились,
как будто их рождала
Не память рабская,
но сердце...

(реплика Лауры, сцена II)

Таков связующий мотив «аристократизма»: стихотворение «Моя родословная», статьи «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», «О втором томе «Истории русского народа» Полевого.

В 30-е годы, в первую «болдинскую осень», у Пушкина обостряется восприятие литературной преемственности, возникает особенный литературный фон, круг литературных имен, новое ощущение литературы. Об этом красноречиво говорят и многие литературные цитаты в «Повестях Белкина», в письмах из Болдина.

13 сентября 1834 г. — новый приезд Пушкина в Болдино. Пушкинские отчеты о последнем пребывании в своем имении чрезвычайно скупы. Из письма Н. Н. Пушкиной: «Вот уже скоро две недели как я в деревне, а от тебя еще письма не получил. Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта и Библию, и все об вас думаю... Видно нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь».